

Бай Цзыцин подождал, пока человек за ним войдет, и закрыл дверь, словно мимоходом представив его, протянув руку.

— Это Ин Цань.

Затем он поднял то, что держал в руках, покачал им и с некоторой радостью добавил:

— Это для тебя.

Цуй Даожун действительно не обладал такой выдержкой, как Бай Цзыцин. Он пролил чай на себя, и его язык заплетался.

— Импера... Импера...

— Не обращай на него внимания, посмотри на эту вещь...

Бай Цзыцин потянул его, начал разворачивать шкатулку, словно показывая сокровище.

— Я долго выбирал...

Ин Цань, услышав это, не обратил внимания. Подошел, взглянул и сказал:

— Вещи из Чертога Ганьлу, хорошие, но их не так уж много. Оказывается, все они у тебя.

Цуй Даожун был еще больше поражен.

— Ты вынес вещи из дворца, чтобы подарить мне?!

— Для сестер Бай, разве это плохо? — ответил Бай Цзыцин. — Просто не говори об этом. На самом деле, не все вещи во дворце хорошие, ничего особенного. Помнишь, раньше в столице проводились собрания знаменитых людей, где оценивали предметы искусства? Вот это были настоящие сокровища.

Ин Цань улыбнулся, глядя на побледневшего Цуй Даожуна.

— Цзыцин всегда был высокого мнения о себе.

Как только он произнес это, оба наконец повернулись к нему, и Цуй Даожун отступил на два шага, приблизившись к Бай Цзыцину.

— Он...

Бай Цзыцин прямо кивнул.

— Он знает все о наших делах.

— В столице вдруг появилось так много таверн и чайных, и все они принадлежат семье Цуй. Документы из дворца тоже попадали ко мне...

Ин Цань взглянул на Бай Цзыцина.

— Не ожидал, что это ты.

— Ты не заметил, что я привез много книг во дворец? — сказал Бай Цзыцин. — В книгах есть золото, и, заменив его, отец ничего не заметил.

— Что вы задумали?

— Люди схожи сердцем так же, как лицами; смею ли я утверждать, что твое лицо похоже на моё? — медленно произнес Бай Цзыцин. — Если слова людей опасны, то я хочу стать тем, кто контролирует общественное мнение в столице.

Эти слова прозвучали с пафосом и высокомерием. В комнате воцарилась тишина, и первым, кто пришел в себя, был Цуй Даожун.

Он с странным выражением посмотрел на Бай Цзыцина.

— Так вот как ты думаешь.

— Да...

Бай Цзыцин ответил, осторожно положив вещи обратно в шкатулку.

— Иначе ты думал, что я действительно хочу заработать? Стать богатым купцом?

Бледность Цуй Даожуна внезапно исчезла. Он вздохнул с облегчением и смущенно улыбнулся.

— Нет, я боялся... что ты ничего не задумал.

Бай Цзыцин улыбнулся в ответ. Между друзьями не нужно было много объяснений. Он понимал, что имел в виду Цуй Даожун.

Ранее Цуй Даожун несколько раз начинал говорить, но останавливался, хотел спросить, какова его конечная цель.

Возможно, семья Бай дала ему слишком много, и, не имея амбиций, он всегда был доволен тем, что есть. Цуй Даожун часто говорил, что ему жаль, что он тратит свой талант впустую, и теперь, услышав такие невероятные слова, он даже вздохнул с облегчением.

В отличие от радости Цуй Даожуна, Ин Цань по-прежнему выглядел загадочным. Он протянул руку, взял шкатулку и аккуратно убрал чайный набор, на его лице появилась легкая улыбка. Он сказал:

— Можно.

Бай Цзыцин обернулся и спросил:

— Ты так легко соглашаешься? Без условий?

— Раз я изначально не остановил тебя, то согласен.

— ответил Ин Цань. — Человека, которого так хвалил Храм Цзиньхуа, нельзя недооценивать. Но твоя идея хороша, только сначала нужно ее реализовать.

— ...Пустые слова лучше не произносить.

Бай Цзыцин недовольно фыркнул, повернулся и начал говорить с Цуй Даожуном о сестрах Бай. Эти сестры временно остановились в доме Лю Мян, и неизвестно, сколько еще пробудут. За эти дни Цуй Даожун тоже не сидел сложа руки, он узнал многое об их делах, все они звучали как героические и спасительные поступки. Говорили, что несколько лет назад во время

эпидемии в Сяньчжоу эти сестры, не боясь за свою жизнь, отправились в эпицентр и спасли множество людей.

Бай Цзыцин тоже помнил ту эпидемию и испытывал еще большее уважение. В результате, вместо легких бесед, их разговор быстро перешел на серьезные темы, и не только Цуй Даожун рассказывал с восторгом, но и Бай Цзыцин хлопал в ладоши и восхищался. Он похлопал Цуй Даожуна по плечу, сказав, что на этот раз обязательно встретится с ними и посоветовал ему не упустить шанс.

Говорили, что сестры Бай тоже любили чай, и этот подарок, вероятно, был подходящим.

Несмотря на это, Бай Цзыцин все еще не был уверен и в конце сам научил Цуй Даожуна писать приглашение.

Ин Цань не присоединился к их разговору, он просто сидел и пил чай, время от времени поглядывая на записи на столе и хмурясь.

Это были обычные записки, которые Цуй Даожун готовил для Бай Цзыцина, но позже Бай Цзыцин решил, что, раз все раскрылось, нет смысла скрывать. Вместо того чтобы пассивно принимать наказание, лучше поделиться ресурсами, втянуть его в свои планы и развивать сотрудничество.

Как обычно, они провели два часа в Башне Сыхэ, а затем Бай Цзыцин и Ин Цань вернулись в дом Ин.

Оказалось, что в этот день он пришел неудачно. По словам принцессы Чанпин, Бай Цзи и Лю Мянъ были здесь два дня назад и спрашивали о Бай Цзыцине.

Бай Цзыцин с сожалением покачал головой.

— В следующие несколько дней у меня не будет времени выходить.

Принцесса Чанпин с любопытством спросила:

— Почему?

В окружении любопытных взглядов Бай Цзыцин оглянулся, мельком взглянув на Ин Цаня, и, держа мать за руку, улыбнулся, оставляя Ин Цаню и себе достаточно достоинства, чтобы не отвечать прямо.

По дороге во дворец Ин Цань, увидев, что Бай Цзыцин внимательно изучает записку, спросил:

— Ты всегда так ездешь?

— Да.

Бай Цзыцин нахмурился.

— М-м... Дела во дворце быстро распространяются, особенно из внутренних покоев. Например, изменения и улучшения в системе государственных экзаменов тоже вызывают интерес у народа...

Ин Цань резко выхватил записку.

— Можем ли мы поговорить о чем-то другом?

— О другом?

Бай Цзыцин повторил его слова, не пытаясь вернуть записку.

— Ладно, говори, о чем еще мы можем поговорить?

— Почему ты так уверен, что я нападу на твою семью?

— Разве ты этого не сделал?

— ...

— Намеренно поддерживая семьи Цзи и Юань, оказывая давление на семью Цинь, разве не моя семья была целью? Что, разочарован, что не встретил моего отца на этот раз? — сказал Бай Цзыцин. — В делах двора отец и мать никогда не говорят мне ни слова. Когда я был маленьким, мать, будучи единственным ребенком, изначально не хотела отправлять меня во дворец. Не кажется ли тебе, что это похоже на «заложника»?

Ин Цань действительно нахмурился.

— Нет.

— Поэтому я тоже думал...

Бай Цзыцин снял с пояса подвеску с падубом и протянул ее Ин Цаню.

— Я тоже думал взять ее и сбежать из дворца... Как сегодня, попрощаться с друзьями, взглянуть на мать и затем исчезнуть в мире, никогда не возвращаясь.

— Ты посмеешь?

— Почему бы и нет?

Ответ Ин Цаня прозвучал сквозь зубы, словно он с трудом выдавливал слова из глубины горла, по слогам:

— Если ты посмеешь, я перебую всех в Дворце Ихэ.

Если бы обычный человек услышал такие слова, он бы испугался. Но Бай Цзыцин не выразил особых эмоций и не спросил, почему. Он просто прислонился к стенке кареты и вдруг заговорил о другом.

— Моя книга все еще в Дворце Ихэ, я дочитал только половину.

Гнев Ин Цаня мгновенно утих. Он сначала спросил, что за книгу читает Бай Цзыцин, а затем вернул ему записку, удерживая ее двумя пальцами.

— Налоги на торговцев в столице сейчас очень высоки, в первые годы тебе нужно быть готовым.

Бай Цзыцин покачал головой, не придавая этому значения.

— Мы законопослушные граждане, не убудет ни одного серебра.

— Это хорошо, если что, можешь всегда обратиться ко мне.

Ин Цань, казалось, даже успокоился, став более сговорчивым.

— Пятидневный арест потерпи, скоро послы из царства Чу придут в столицу. Тогда во дворце состоится банкет, и ты сможешь привести мать и Сяо Яо, чтобы посмотреть на это зрелище.

<http://bllate.org/book/16479/1496902>